

машней гармонии и кроткого благочестия.⁵⁸ В «Управителе Феоны», как прежде в «Добром дитяти», пример Еглеи и Зилии призван научить богатых жертвовать лишним для того, чтобы помочь своим несчастным братьям. Своеобразным «манифестом» просвещенного, благотворительного помещика является повесть «без заглавия», в которой Феона доказывает подруге г-же Осановой общественные преимущества и нравственное превосходство жизни в деревне с крестьянами: «Сельские труды доставляют нам приятное упражнение. Мы соединяем пользу нашу с пользою общества. Сохрани меня Боже! чтоб корыстолюбие и подлая скупость приближались к сердцу моему. Но когда я возвращаюсь с полей моих при захождении солнца, я не могу воспротивиться некоторому чувствованию благородной гордости и не подумать, что я участвовала к обогащению моего отечества. Крестьяне работают охотнее, когда видят помещицу свою, ободряющую их своим присутствием и подвергающуюся той же тягости солнечного зноя, которой они терпят».⁵⁹

В повести «Алетов» героиня утверждает, что даже для такого «любезного господина», как он, чувство серьезной ответственности перед своими крестьянами и перед отечеством должно составлять необходимое дополнение к светским интересам, музыке, пению, живописи, являясь единственным залогом настоящего счастья.

Судя по семейной переписке, Муравьев проповедовал примерно такую же мораль и сестре, «реальной Феоне», жившей тогда в Тамбове, вызывая в ней некоторое недоумение. Интересно сравнить письмо от 21 ноября 1791 г. и слегка иронический ответ Федосьи Никитичны в одном из ее немногочисленных сохранившихся писем, от 13 декабря 1791 г.: «Упражнение, приятное спокойство (я не знаю, как сие последнее всегда мне встречается), прекрасные дети: чего же вам хочется более. <...> Искание честей, которые иногда уничтожают, владение сокровищ, которые уходят или нами владеют, шум веселий, который оглушает или прискучивает, могут ли сравняться с постоянным здоровьем души и тела, с твердостью, которая умеет утешать нас в минуты смущения, с дружбой, с супружеской, родительской любовью, с сладостным уверением, что я не злой человек, что меня никто не ненавидит? Скука, но вам некогда скучать между ласканий детских и упражнений домашних, скука может быть отгоняема беседой, чтением, благотворительностью. Вы имеете к ней более способов нежели мы, мещане столицы».⁶⁰

«Милый мой друг и брат Михайло Никитич!

Нет ничего для меня приятнее, как последнее письмо твое, в котором так трогательно и притом справедливо описал ты мне самой мое собственное положение, ты заставляешь меня любить мое уеди-

⁵⁸ См.: *Drage C. L. Russian Literature in the Eighteenth Century*. P. 140—141.

⁵⁹ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 311 об. Примечательно, что сам Муравьев почти никогда не видел своих мужиков и, когда они стали бунтовать, принял довольно крутые меры и обещал в будущем поступать «без малейшего милосердия» (РНБ, ф. 499, ед. хр. 4, л. 2 об.).

⁶⁰ ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 55, л. 65—66.